

стой, или што такое"? Отвѣчаетъ онъ: „я — человѣкъ!“ „Какихъ родовъ?“ — „Крестьянсково роду“. Тогда государь отдавъ ему престолъ своево царства и свою доць, прекрасную Анастасію.

Вельскій у. Запис. отъ Ф. Старцева. 90-е годы.

25. Семёнъ-скоробогачъ.

Жили два брата, третій отецъ; жили онѣ богато, было у нихъ всечины довольно. Вотъ у большово сына Семена накопилось семеро дитей. Отецъ и отдиляетъ большово сына (т. е. Семена) и не даетъ ему нечово; все малому сыну оставляетъ. Напотомъ Семень ставъ жить бѣдно, дажо занявъ у попа на посѣвъ ржи. Вотъ разъ онъ поѣхавъ въ лѣсъ по дровця на кобылѣ бѣлой. Пріѣхавъ онъ въ биль, надъ этой билью боръ, — превеличайшая гора. Увидѣвъ Семень сушицю и пошовъ къ ней, штобы срубить, вдругъ учувъ шумъ. Подходить къ тому мѣсту, гдѣка шумъ, и видитъ: 40 человѣкъ разбойниковъ идетъ, а сдѣланъ у ихъ въ ту гору ходъ земляной. Вотъ подошовъ къ этимъ воротамъ самъ атаманъ: „Двери, говоритъ, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, вотъ они што наворовали и снесли туда, а потомъ и вышли вонъ; атаманъ опѣтъ сказавъ: „двери, шлюзами затворитесь!“ — двери затворились. Вотъ атаманъ опѣтъ всѣмъ наказываетъ: „Ну, господа! штобы каждый изъ васъ наживъ не меньше, какъ 100 рублѣвъ, безъ тово и не являйтесь, а я самъ сколько могу нажить“. Вотъ всѣ и разошлись по тропинкамъ на большіе дороги. Семень возьметъ да и придетъ туды послѣ ихъ и говоритъ: „Двери, шлюзами растворитесь!“; сичасъ двери растворились, онъ зашовъ туда и давай огребать золото и серебро; цѣлой возъ наваливъ, на дровни сѣвъ да и домой отправивсе. Домой пріѣхавъ и сказавъ жонѣ: „Принеси-ко малѣнку, надо смирать золото и серебро, я привезъ много“. Жона принесла малѣнку отъ снохи (своей-то не было! пояснивъ рассказчикъ) какъ бы для ржи; онъ деньги смиравъ и сволокъ ихъ въ яму. Сноха была догадлива, думаетъ „што это онѣ говорятъ, што попу надо отдать рожь, а

самимъ истъ нечово?“ взяла да и прилѣпила къ малѣнкѣ воску.

Вотъ когда малѣнку отнесли, золото-то и прилипло тутъ; она и говоритъ своему мужу: „Вотъ ты ходишь съ начальствомъ да съ попами пируешь, а братъ—вонъ какъ разбогатѣвъ!“—„Какъ такъ?, говоритъ тотъ,—у меня сколько скота, сколько хлѣба, а у брата и истъ нечово, а говоришь—богатѣе меня!“...—„Да онъ золото севодни мирявъ малѣнкой, вотъ-те и бѣдной!“ Вотъ братъ этотъ и пошовъ къ ему въ гости, а не бывавъ, можотъ, годовъ пять. Пришовъ, а братъ Семень на печь спитъ. „Што, братъ, говоритъ, куды севодни издивъ?“—„А вотъ издивъ по дровця!“—отвицаетъ Семень. „Полно врать, братъ! ты золото мирявъ малѣнкой, маленку-то отъ насъ вѣдь уносили“...—„Да што, братъ, говоритъ Семень, отъ Бога не утаишь и отъ тебя, видно, не скроешь: вѣрно, я привезъ золота, столько, што мнѣ не прожить да и дитямъ моимъ не прожить“...—„Охъ, братъ, если бы на твоихъ коняхъ, то можно бы оцѣ утащить многое множество серебра и золота!“...

Семень и розказавъ тутъ все и научивъ, какъ надо туды ѣхать. Вотъ встаетъ братъ по утру, запрягъ пару коней да и туду! Приѣхавъ въ ту-жо биль и подъ тотъ-жо боръ и говоритъ: „Двери, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, онъ зашовъ туду да и давай окатывать золото и серебро и тулуны разныя, и наклавъ два воза, што едва увезти; вышовъ да и забывъ сказать-то, што „двери, шлюзами затворитесь“, призамѣшкавсе, а эти 40 розбойниковъ ищѣ только хрестъ!

Атаманъ шовъ передомъ: „Ахъ, ребята, говоритъ, неладно: у насъ воры есть! Ищите-ко, ребята, гдѣ онъ тамъ?“ А у нихъ въ землѣ всякихъ ухожовъ накопано было много; вотъ ребята розсыпались и вытащили оттуда добра молодця. Атаманъ срубивъ ему голову, изрубивъ ево на мелкіе части съ обоими и мериньями.

Вотъ этово брата Семенова ждуть домой сутки, другіе и третьи, а ево нѣтъ. Приходитъ жона ево къ Семену: „Што-жо, говоритъ, у меня довго мужа нѣтъ? Ты куды ево пославъ наживатсе?“ Онъ и говоритъ: „А вотъ што,—давай-ко мерина, которой поедриняе,—запрягѣмъ да поидемъ туду; што тамъ такое содѣвается, хоша узнаемъ“.

Приѣхали онѣ туды и видятъ: онѣ изсичонѣ, мерины тожо, кругомъ—сороки, вороны—ревѣ такой! Онѣ (Семенѣ) провѣдавѣ слѣдѣ—всѣ ушли, опѣть и говоритъ дверямъ: „Двери, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, онѣ и накатавѣ возѣ, повной всяково добра; сѣвѣ на коня, да бывѣ да нѣтъ и уѣхавѣ съ этой снохой. Семенѣ заживѣ богато, и сноха перешла къ нему жить; стали торговать и такъ розторговавше, что иміетъ въ городѣ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ.

Атаманѣ пришовѣ и говоритъ своимъ товарищамъ: „Кто-жо у насѣ деньги укравѣ? Раззоривѣ насѣ воевѣ, надо какимъ нибудѣ путѣмъ разузнать, добратсѣ“. Бывѣ одинѣ разбойникѣ, Дмитріемъ звали, вотѣ онѣ и говоритъ: „Я, атаманѣ, найду вора!“ „Ну, говоритъ атаманѣ, найдешѣ—ладно, а не найдешѣ,—голова на плаху!“ Вотѣ Митька и пошовѣ въ этотѣ городѣ, откуда была дорога (слѣды), што туды иминѣ увезено. Идетѣ этѣмъ городомъ утромъ рано, а тутѣ старичокѣ торгуетѣ со свицькой ощо, какѣ небогатой, такѣ вставѣ рано; вотѣ Митька къ нему, разговорились: „А що, не знаешѣ-ли, доброй человѣкѣ, говоритъ онѣ, здисѣ таково человѣка, которой бывѣ небогатой, а вскорѣ сдѣлавше сильно богаты?“ „А вотѣ, говоритъ старичокѣ, есть такой-то Семенѣ, живѣ—истѣ нечово было, а топерѣ первой купечѣ по всей енпери (имперіи), въ нашемъ городѣ у ево 7 лавокъ и 12 прикащиковъ держитѣ“.—„Доведи меня до тово дому, гдѣ этотѣ купечѣ стоитѣ!“—„А що добра, такѣ сведу?“—„А що возмешѣ?“—„Сто рублевѣ положите, говоритъ старичокѣ, такѣ сведу!“ Вотѣ Митька деньги подалѣ, лавошникѣ и повелѣ ево изѣ улицы въ улицу, изѣ перевулка въ перевулокѣ и привелѣ къ тому самому дому, гдѣ живетѣ Семенѣ. „Вотѣ, говоритъ, гдѣ онѣ живетѣ!“ указавѣ да и пошовѣ въ лавку, а разбойникѣ тутѣ и оставсѣ. Митька на воротахъ подписавѣ, што такой-то Семенѣ бывѣ нищей, а топерѣ иміетѣ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ держитѣ, и сдѣлавше первой купечѣ по енперіи. Потомѣ и приходитѣ къ атаману и говоритъ ему атаманѣ: „Што нашовѣ вора?“—„Нашовѣ!“ говоритъ Митька и повелѣ ево въ тотѣ городѣ. Привѣвѣ и указавѣ на воротахъ эту надпись. А сноха Семенова увидала эту надпись прежде ихѣ и написала эту надпись по всѣмъ улицамъ и каждой

(житель) выходитъ скоробогачъ. Атаманъ идетъ среди бѣла-дня и глядитъ на купечески дома и видитъ, што на каждомъ написано, всѣ воры. Атаманъ и говоритъ: „ахъ, ты разбойникъ! Да у тебя каждой, що-ли, укравъ?“ и отрубивъ ему голову. На то мѣсто нашовъ другою разбойника, щобы нашовъ вора. Пришовъ Михайло и говоритъ: „Я найду вора!“ Атаманъ и говоритъ: „Ступай, найдешь,—ладно, не найдешь—голова на плаху!“—Михайло приходитъ въ тотъ-же городъ и видитъ тово-жо старичка въ лафкѣ, онъ ему и говоритъ: „Богъ за товаромъ, г. купечъ!“ Тотъ отвичеетъ: „прошу покорно!“ Вотъ Михайло и говоритъ: „Есть въ вашемъ городѣ Семенъ купечъ, которой ранѣе хлѣба просивъ, а топерь имѣетъ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ. доведи меня до ево дому!“—„А што добра?“ — „А сколько возьмешь?“—„Двисти рублѣвъ, такъ доведу!“ говоритъ лавошникъ. Михайло подавъ деньги, потомъ и повелъ; привелъ къ Семенову дому и указавъ, а самъ пошовъ въ лафку; разбойникъ оставсе тутъ. Вотъ онъ опѣтъ написавъ на воротахъ да и бывъ да нѣтъ къ атаману съ извистѣемъ, що нашовъ вора. Благодетивая жона (сноха Семена) опѣтъ написала по всему городу на воротахъ тожо самое. Михайло пришовъ къ атаману и отправляются среди бѣла-дня, какъ и честные люди, въ городъ; привелъ и указавъ: „вотъ, говоритъ, гдѣ живетъ“ Атаманъ глядитъ по всѣмъ воротамъ и опѣтъ видитъ вездѣ ту же надпись; закричавъ: „Ахъ, ты сукинъ сынъ, да у тебя всѣ украли? только деньги попусту тратите“... Какъ привелъ его къ своимъ братьямъ, такъ саблю вынявъ да и отсѣкъ голову, а потомъ спросивъ: „если у васъ ощо такіе, которые возьмутсе найти вора?“ Былъ у нихъ Лука-кривой, и такой разбойникъ, що бѣда! „Я, говоритъ, найду!“—„Смотри, Лука! говоритъ атаманъ, у тебя одинъ вѣдь глазъ?“—„А и одинъ да зорокъ, не надо сорокъ!“ отвицѣетъ Лука. Вотъ походитъ Лука въ тотъ-же городъ и къ этому лавошнику и спрашиваетъ: „що, есть у васъ такой человѣкъ, которой бывъ бѣдной, а сдѣлавсе вдругъ богатой?“ „Есть“, говоритъ лавошникъ. „Доведите меня до ево дому“. „А 300 рублевъ дашь?“ Лука подаетъ ему 300 рублевъ, и лавошникъ приводитъ ево къ этому дому, гдѣ живетъ Семенъ. Вотъ разбойникъ пригребъ немножко земли, подписавъ да и

опѣтъ загребѣ. Приходитъ къ атаману и идетъ съ нимъ среди бѣла дня по городу, какъ и честные люди, и указываетъ ему на надпись: „Вотъ, говоритъ, въ этомъ домѣ воръ, зовутъ Семеномъ“. Атаманъ купивъ 40 лошадей и 40 хомутовъ съ розвальнями, наставилъ кубья, по одному кубу на каждый возъ, рассадивъ въ нихъ всѣхъ своихъ разбойниковъ и закупоривъ, будто ѣдетъ съ масломъ. Вотъ и прѣзжаетъ въ этотъ городъ прямо къ Семену купцю подъ окно; одинъ и выпрягаетъ всѣ 40 лошадей. „Господинъ купечъ! пустите меня ночевать!“—„Милости просимъ, г. купечъ, отвицѣтъ Семенъ;—съ какимъ товаромъ?“—„Да вотъ, говоритъ атаманъ, въ такомъ-то городѣ масло дорого стало, везу 40 возовъ продавать“. Вотъ, выпрѣгъ лошадей и ушли съ Семеномъ банкетовать въ ево комнаты.

Эта благочестивая жона (сноха Семена) узнала разбойника и накипетила во флигилѣ воды, да которой кубъ откроетъ, возьметъ да и зальетъ разбойника тамъ,—всѣхъ обварила... „Ну, господинъ купечъ Семенъ,—говоритъ атаманъ,—мнѣ пора и съѣзжать, благодарю за угощеніе!“—„Да куды вы среди ночи въ такую глухую дорогу?“ говоритъ тотъ. „Нѣтъ, що-жо мнѣ прокармиватсе, спасибо!“ Вышовъ атаманъ и идетъ впередъ и въ каждой кубъ щовкнѣтъ и до послѣднево куба дошовъ, оглянувся—никово нѣтъ, посмотривъ въ кубъ: разбойникъ сидитъ и голову повисивъ, обваривсе на-смерть. Вотъ и догодавсе онъ, що дѣло неладно, выхвативъ изъ пазухи крюкъ, закинувъ за стѣну—и бывъ, да нѣтъ!

На утро была въ томъ городѣ ярмарка, этихъ коней всѣхъ и продали, такъ-жо хомуты и розвальни. Вотъ и живетъ себѣ атаманъ и думаетъ: „какъ-жо мнѣ этово Семена изжить?“ Пришовъ онъ въ городъ, назвавсе купцемъ, лафку и домъ завѣлъ; черезъ два-три года ознакомивсе со всѣми, ставъ и въ гости похаживать. Разъ пришли къ ему купци, сили, онъ и розгорячивсе на Семена: „Какъ, говоритъ, ты живота скоро наживъ?“, а сноха и сѣла противъ ихъ. Потомъ атаманъ говоритъ: „Вотъ какъ я хлѣбъ кушаю!“, вынимаетъ ножъ, обмакнувъ въ кушанье, въ кусокъ и хотѣвъ проглотить кусокъ да заколотъ всѣхъ, а въ это время сноха возми да подтолкни ево, ножъ-то и

ушовъ въ горло и проколовъ на-смерть. Купцы перепались всѣ, она и говоритъ: „Не бойтесѣ, это самой разбойникъ и есть, которой погубивъ у меня мужа и съ масломъ онъ подѣзжавъ!“.. Тѣмъ и кончилось.

Вельскій у, дер. Прилуки. Зап. со словъ крест. Кузьмы Анфимова 90-е годы.

26. Иванъ Царевичъ.

Жилъ-былъ царь, у царя родивсѣ сынъ Иванъ Царевичъ, и такая-то родиласѣ безупокоиця, што не могли укацеть не бабки, не матки, не крестовыя божатки, и садивсѣ (тогда) кацеть самъ царь и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пуще заревитъ. Садилисѣ кацеть бабки, матки и крестовыя божатки и не могли ево укацеть. Садивсѣ кацеть самъ царь и говоритъ ему таковы слова: „спит-ко, цядо мое милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пуще заревитъ. (Въ 3-й разъ повтореніе того-же). Выростаетъ Иванъ Царевичъ отъ двухъ годковъ до трехъ, отъ трехъ до пяти, отъ пяти до десети, отъ десети до двадцети и похаживаетъ по улоцькѣ, пинаетъ шишецьки и пнувъ одну онъ бабушкѣ на задворинкѣ въ оконенку. Вотъ бабушка забиласѣ по-плечъ въ окно и говоритъ: „Экой ты, Иванъ Царевичъ, у меня изломавъ оконенку, а у меня и поцинить-то не на што!“ Сунулъ Иванъ Царевичъ руку въ карманъ и достаетъ злата-серебра и подаетъ бабушкѣ поцинить оконенку. Бабушка и баеть ему: „вотъ какъ ты родивсѣ, Иванъ Царевичъ, и такая была безупокоиця, што тебя кацели и бабки, и матки, и крестовыя божатки — не кто не могъ укацеть, и садивсѣ тогда твой батюшко царь самъ кацеть и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню